

Секция «Религиоведение, этнология и культурология стран Азии и Африки»

**Проблема генезиса манихейства: иудео-христианские и зороастрийские
влияния**

Виноградова Алиса Андреевна

Студент (бакалавр)

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия

E-mail: arnakuagsak@mail.ru

Манихейство - религиозное учение того типа, который принято именовать гностическим и синкретическим. Зародившись в середине III в. н.э., вследствие взаимодействия между культурами арамеоязычного междуречья, манихейство, на первый взгляд, являлось конгломератом разрозненных элементов: гностических, иудео-христианских, зороастрийских, буддийских, а также древних вавилонских верований, по этой причине, значительную трудность представляет выявление доминанты в формировании данного религиозного течения. Безусловно, двумя главными составляющими, следует считать зороастрийский и иудео-христианский (гностический) пласт. При таком схематизированном делении на восток и запад, спорными остаются исторические корни манихейского культурно-религиозного субстрата.

В поисках возможного методологического синтеза, представляется необходимым выстроить в общих чертах модель генезиса манихейства, на основе *par excellence* коптских, парфянских и греческих оригинальных манихейских сочинений. На протяжении всего периода исследования манихейства (с начала XVIII в.), уточнение терминологических рамок и природы данного религиозного явления, было обусловлено состоянием источников, спектр которых, начиная с археологических экспедиций в Турфанский оазис Восточного Туркестана (1902—1914 гг.), стремительно расширялся, что неизбежно вело к отказу от устаревших иррелевантных суждений [3]. В настоящее время, после введения в научный дискурс «Кельнского кодекса Мани», позволившего пересмотреть данные, содержащиеся в антиманихейских сочинениях, нет причин сомневаться в том, что пророк Мани (216-276 гг.) на протяжении двадцати лет состоял в иудео-христианской общине эльхасаитов (эльксаитов), а не мандеев, с которыми ранее отождествляли это маргинальное течение христианского мира [2]. Тем не менее, неразрешенной остается проблема литературной культуры эльхасаитов и соответственно первых манихеев. Как любая подобная закрытая община в пространстве иудео-христианского культурного пограничья, наряду с каноническими писаниями, у эльхасаитов была в ходу обширная литература, на сегодняшний день, считающаяся апокрифической: известно, что Евангелия они знали в форме «Диатессарона» и широко использовали апокрифические деяния апостолов.

Постулируя иудео-христианский (гностический) характер манихейского синкретизма, обратимся к фигуре Параклета, занимавшей в религиозном сознании Мани одно из центральных мест. В коптском манихейском трактате «Кефалайа» (1.14-16) [1] и «Кельнском кодексе Мани» (19.5-15; 69.10-15; 73.5-15) мы читаем, что пророку в 12 лет было явлено первое откровение, в котором его Двойник или Близнец (в греческих, коптских и латинских текстах - Параклет) открыл его призвание — нести в мир *vera religio* (лат. истинную религию). В двадцать четыре года Мани получил еще одно откровение, ему было велено оставить секту эльхасаитов и выйти в мир с проповедью. Эту концепцию можно свести к тому, что смысл и будущее содержание манихейства Мани открыл сошедший Параклет — т. е. тот, кого Иисус обещал послать своим апостолам согласно Евангелию от Иоанна (Ин 14:16-17; 16:7-9). С другой стороны, в манихейской традиции существует тенденция отождествления самого пророка с Параклетом, Духом истины, посланным последнему поколению («Кельнский кодекс Мани» 17.4-7), более того, Мани, прямо называл себя апо-

столом Иисуса Христа (Там же. 66.4-5).

По свидетельству Ипполита, основополагающее манихейское учение о реинкарнации Апостолов, в котором Будда, Заратустра и Иисус Христос представлены как своего рода предтечи Мани, («Кефалайа» 1.10-16), унаследовано от эльхасаитов. Первые две фигуры являются скорее номинальными, и одно только наличие имен этих великих деятелей в религиозной системе Мани не позволяет говорить об их серьезном влиянии на манихейство. Включение буддийских (как и зороастрийских) терминов в восточные манихейские тексты было неизбежной практикой при переходе документа в иную культуру. Манихейская доктрина метемпсихоза, в сущности, далека от буддийской концепции перерождения и потому, важность включения Будды в цепи предшественников Мани демонстрирует манихейскую претензию к всемирной универсальности, выходящую за пределы христианско-гностического фона.

Однако в религиозной системе Мани присутствуют элементы, восходящие не к иудео-христианской, а к зороастрийской традиции, и это, прежде всего, относится к радикальному дуализму. Анализируя зороастрийские влияния на манихейскую систему, мы обнаруживаем, что функция этих элементов в зороастризме была иной, нежели в манихействе. Оригинальные манихейские тексты говорят не о двух богах, а о двух сущностях или началах («Кефалайа» 120). В то время как зороастрийский бог всегда непобедим, манихейский Первый Человек (в среднеперсидских и парфянских текстах - Ормазд) [5] должен спасти Мир Света путем самопожертвования и принесения в жертву своих сыновей, эта манихейская догма коррелируется с центральной христианской доктриной об искупительной жертве Христа. Разновидность зороастрийского дуализма, может быть, в видоизмененной и менее радикальной форме, Мани мог найти в учении эльхасаитов, а также христианских гностиков II в. - Маркиона и Бардайсана, то есть, абсолютный дуализм Мани следует рассматривать во многом как продукт гностической теодицеи [4].

Результаты анализа, по нашему мнению, свидетельствуют, что прослеживается только ограниченное зороастрийское влияние на манихейскую мифологию, персонажи восточного манихейского пантеона являются гностическими фигурами в зороастрийском обличье, приспособленными к зороастрийскому окружению. Несмотря на колоссальное количество источников, составленных во всех краях тогдашней ойкумены, нам зачастую не удается примирить существующие версии манихейского мифа. Тем не менее, на основании вышеприведенных рассуждений, можно заключить, что магистральным вектором в формировании манихейства оказалось иудео-христианство, а манихейский синкретизм включает гностическую основу с поверхностными следами зороастрийского и буддийского влияний. Таким образом, манихейство может быть охарактеризовано как де-христианизированное учение иудео-христианского происхождения.

Источники и литература

- 1) Смагина Е.Б. Кефалайа («Главы»). Коптский манихейский трактат. – М., 1998.
- 2) Хосроев А.Л. История манихейства (Prolegomena). СПб., 2007.
- 3) Abolqasem E. Manichaean Gnosis & Creation Myth. Tehran, 2005.
- 4) Böhlig A. Gnosis und Synkretismus: gesammelte Aufsätze zur spätantiken Religionsgeschichte. Tübingen, 1989.
- 5) Boyce M. Manichaean Hymn-Cycles in Parthian. London, 1954.